
ФРАГМЕНТ СИСТЕМЫ 1800 г.

...считается абсолютным¹ противоположением. Один из видов противоположения есть множественность жилых существ. Их следует рассматривать как организации; противопоставляется множественность жизни; часть этой множественности (и эта часть сама есть бесконечное множество, ибо она жива) рассматривается только в соотнесенности, как нечто, обладающее бытием лишь в соединении; другая часть (также бесконечное множество) рассматривается лишь в противоположении, как нечто, обладающее бытием лишь посредством отделения от первой части, тем самым и первая часть также определяется как нечто, обладающее бытием только посредством отделения от второй. Первую часть мы называем организацией, индивидуумом. Само собой разумеется, что эта жизнь, многообразие которой рассматривается лишь в соотнесенности, чье бытие есть эта соотнесенность, может быть одновременно рассмотрена, с одной стороны, как различная в самой себе, как простое множество; его соотнесенность не более абсолютна, чем отделение этого соотнесенного; с другой стороны, это множество следует мыслить, учитывая возможность для него [вступить] в соотнесенность с тем, что исключено из него, возможность потери индивидуальности или установления связи с тем, что было исключено. В равной степени и многообразие, исключенное из организического целого, которое обладает бытием лишь в противоположении, должно быть положено одновременно не [только] как для-себя-бытие, абстрагированное от упомянутой организации, абсолютно многообразное в себе, вместе с тем состоящее в самом себе в соотнесенности, но

и как находящееся в связи с исключенным из него живым. Понятие индивидуальности включает в себя противоположение бесконечному многообразию и связь с ним. Человек есть индивидуальная жизнь, поскольку он есть иное, чем все элементы и бесконечность индивидуальной жизни вне его; он есть индивидуальная жизнь лишь постольку, поскольку он един со всеми элементами, со всей бесконечностью жизней вне его; он есть только постольку, поскольку целокупность жизни разделена: он есть одна часть, все остальное — другая; и он есть только постольку, поскольку он не есть часть и ничто не обособлено от него. Если предпослана, фиксирована неразделенная жизнь, мы можем рассматривать живых [*] как проявления жизни, как ее изображения, многообразие которых положено, и положено как бесконечное потому, что положены проявления жизни, рефлексия же фиксируется в этом случае как покоящаяся, устойчивая, как твердые точки, как индивидуумы. Если же предпосылкой служит живое, а именно мы в качестве наблюдающих, то жизнь, положенная вне нашей ограниченной жизни, есть бесконечная жизнь бесконечного многообразия, бесконечного противоположения, бесконечной соотнесенности. В качестве множественности она есть бесконечное множество организаций, индивидуумов; в качестве единства — единственное, организованное, разъединенное и соединенное целое — природа. Она есть полагание жизни, ибо рефлексия перенесла в жизнь свои понятия о соотнесенности и разъединенности, о единичном, в себе существующем, и всеобщем, связанном, следовательно, об ограниченном в одном случае, о неограниченном — в другом, и посредством полагания сделало жизнь природой.

Так как жизнь в качестве бесконечности живых существ или бесконечности форм и тем самым в качестве природы есть бесконечная конечность, безгранично ограниченное, так как в ней есть соединение конечного и бесконечного и отъединение их, и природа не есть сама жизнь, а есть жизнь, фиксированная рефлексией, хотя и самым достойным образом, то наблюдающая природу мыслящая жизнь ощущает (или назовите это как хотите) данное противоречие, это единственное устойчивое существующее еще противоположение самой себя беско-

[*] которых мы именно потому, что положено множество, должны вместе с тем рассматривать как бесконечное множество.

нечной жизни; или: разум еще познает односторонность подобного полагания, подобного наблюдения, — и эта мыслящая жизнь извлекает из формы, из смертного, преходящего, бесконечно себе противоположаемого, себя побеждающего живое, свободное от преходящего, соотнесенность, без мертвого и умерщвляющего себя многообразия, извлекает не единство, мысленную соотнесенность, но жизнь во всей ее полноте, всеильную и бесконечную, и называет ее богом, она перестает быть мыслящей или наблюдающей, ибо в ее объекте нет ничего рефлексированного, ничего мертвого [*].

Подобное возвышение человека — не от конечного к бесконечному, ибо они — лишь продукт рефлексии, и, поскольку они таковы, их разделение абсолютно, но от конечной жизни к жизни бесконечной — подобное возвышение человека есть религия. Бесконечную жизнь можно называть духом в противоположность абстрактному множеству [**], ибо дух есть живое единение многообразного в противоположность многообразию как его форме (которую составляет многообразие, заключенное в понятии жизни), не в противоположность ему в качестве отделенного от него, мертвого, простого множества, ибо в этом случае дух являл бы собой простое единство, которое именуется законом и есть лишь нечто мысленное, неживое. Дух есть приносящий жизнь закон в единении с многообразным, которое тем самым становится живым. Если человек полагает это оживленное многообразие как большое количество многих и одновременно в соединении с тем, что привносит эту жизнь, то эти единичные жизни становятся органами, а бесконечное целое — бесконечной целокупностью жизни. Если же человек полагает бесконечную жизнь как дух целого вне себя, так как он сам есть ограниченное, и одновременно самого себя полагает вне себя, ограниченного, и возвышает себя до живого, соединяется с этим живым самыми глубокими узами, то он поклоняется богу.

Если здесь многообразие уже не положено в качестве такового, но выступает вместе с тем полностью в соотношении с живым духом, в качестве оживленного органа, то тем самым нечто было бы исключено и осталась бы незавершенность и противоположение, а именно мертвое.

[*] но поклоняется ему.

[**] мертвого.

Другими словами, если многообразие положено в отношении лишь как орган, то исключено само противоположение, между тем жизнь нельзя рассматривать только как соединение, соотношение, но следует рассматривать и как противоположение. Если я говорю, что жизнь есть связь противоположения и соотношения, то эта связь может быть в свою очередь изолирована, и допустимо возражение, согласно которому [она] должна противостоять отсутствию связи, тогда мне следовало бы сказать, что жизнь есть связь связи и ее отсутствия, т. е., другими словами, каждое высказывание есть продукт рефлексии; поэтому применительно к каждому положенному можно показать, что если нечто положено, то одновременно не положено другое, и эту безостановочную гонку надо раз навсегда обуздать, запомнив, что то, например, что мы называем связью синтеза и антитезиса, не есть положенное, рассудочное, рефлексированное, но его единственное доступное для рефлексии свойство заключается в том, что оно есть бытие вне рефлексии. В живом целом одновременно положены смерть, противоположение, рассудок, а именно в качестве многообразия, которое есть живое и в качестве живого может полагать себя целым, в силу чего оно одновременно есть и часть, т. е. то, для чего существует мертвое и которое само мертво для другого. Это бытие в качестве части, свойственное живому, снимается в религии, ограниченная жизнь возвышается до бесконечного; и только благодаря тому, что конечное само есть жизнь, оно несет в себе возможность возвыситься до бесконечной жизни. Именно потому философия кончается там, где начинается религия, ибо философия есть мышление, следовательно, знает, с одной стороны, противоположность не-мышления, с другой — мыслящего и мыслимого. Ее задача — выявлять во всем конечном бесконечность и требовать усовершенствования конечного посредством разума и особенно познавать заблуждения, совершенные ее собственным бесконечным, и тем самым полагать истинное бесконечное за пределы своей сферы. Возвышение конечного до бесконечного характеризует себя как возвышение конечной жизни до бесконечной, как религию именно благодаря тому, что оно не полагает бытие бесконечного как бытие посредством рефлексии, как объективное или субъективное, ибо в этом случае оно присоединило бы к ограниченному ограничивающее, и его также познало бы затем как положенное, как ограниченное, вновь нашло бы для

него ограничивающее и потребовало бы продолжения этого до бесконечности; такая деятельность разума есть также возвышение до бесконечности, но эта бесконечность есть...

* *

*

объективный центр; для всех народов он был восточной частью храма, а для чтущих невидимого бога — лишь это отсутствие формы в определенном пространстве, лишь место. Однако это лишь противоположенное, чисто объективное, только пространственное не обязательно должно оставаться в этой неполноте полной объективности, оно может само, т. е. в качестве для себя существующего, вернуться через форму к собственной субъективности. Божественное чувство, бесконечное, ощущаемое конечным, обретает завершенность лишь благодаря присоединению рефлексии, благодаря тому, что она пребывает над ним. Отношение ее к чувству есть, однако, лишь познание его как чего-то субъективного, лишь сознание чувства, разделенная рефлексия над разделенным чувством; чистая пространственная объективность предоставляет точку объединения для многих; и объективность, получившая форму, есть вместе с тем (и это должно быть) из-за связанной с ней субъективности не истинная, а лишь возможная объективность, [она] может быть мыслима как таковая, но это не обязательно, поскольку она не есть чистая объективность. И тем самым, подобно тому как выше была положена в качестве необходимой антиномия времени, момент и время жизни, полагается и объективная антиномия применительно к предмету. Бесконечная в неизмеримости пространства сущность есть вместе с тем в определенном пространстве, подобно тому как

Тот, кого не вмещает
небо и небо небес,
Покоится теперь на коленях
Марии! ²

В религиозной жизни его отношение к объектам, его поступки истолковывались как сохранение жизни или привнесение жизни в объекты; при этом вспоминается и его судьба, которая вынуждала его подчас оставлять объективное объективным или даже превращать живое в объекты. Возможно, что это превращение в объект обязательно лишь в данную минуту, что жизнь вновь уда-

лится от него, сама освободит себя от него и предоставит угнетенное его собственной жизни и ее воскресению. Однако необходимо, чтобы она полагала себя и в прочное отношение с объектами и сохраняла бы им их объективность вплоть до полного уничтожения. При всем показанном выше совершенствовании, усилении религиозного объединения остается еще возможность лицемерия, а именно посредством особенного, оставленного для себя имущества. Прочное обладание вещами не дало бы человеку выполнить негативно выраженное условие религии: быть свободным от абсолютной объективности, возвыситься над конечной жизнью. Он был бы не способен соединиться с бесконечной жизнью, если бы он сохранил что-либо для себя, стремился господствовать или нес бы зависимость. Поэтому от своего имущества, необходимость которого есть его судьба, он жертвует лишь кое-что, ибо судьба его необходима и не может быть снята: часть он уничтожает перед божеством, уничтожением остального он, насколько это возможно, преодолевает особенность посредством сообщества с друзьями в силу того, что она лишена цели преизбыток. С помощью бессмысленности одного этого уничтожения, посредством этого уничтожения ради уничтожения он заглаживает свое остальное частное отношение целенаправленного уничтожения и вместе с тем завершает объективность объектов через несоотнесенное с собой уничтожение, его полнейшую не-соотнесенность (*Beziehungslosigkeit*), смерть, и если все-таки еще остается необходимость соотносимого (*beziehenden*) уничтожения объектов, то и это бессмысленное уничтожение ради уничтожения иногда встречается, и именно оно оказывается единственным религиозным по отношению к абсолютным объектам.

Остается лишь кратко упомянуть о том, что в остальном внешнее пространственное окружение в качестве необходимого ограничения должно не столько само по себе занимать нас своей лишеной цели красотой, сколько посредством целенаправленного внимания к прекрасному указывать на нечто другое; и что сущность богослужения заключается в том, чтобы снять созерцающее или мыслящее рассмотрение объективного бога или, вернее, вместе с субъективностью живых существ растворить его в радости, в радости пения, телодвижений, в своего рода субъективном проявлении, которое подобно звучащей речи может с помощью правил стать объективным и

прекрасным, стать танцем — в радости многообразных занятий, распорядке приношений, жертвований и т. п. Это множество проявлений и тех, кто проявляется, требует в свою очередь установления единства, порядка, которые в качестве живого воплощаются в упорядочивающем, в приказывающем, в священнослужителе; и если преисполненная потребностей внешняя жизнь людей в значительной степени обособилась, то и он становится обособленным, не говоря уже о других следствиях в их законченности.

Подобное более полное соединение в религии, подобное возвышение конечной жизни до жизни бесконечной, при котором остается так мало конечного, ограниченного, т. е. чисто объективного или чисто субъективного, насколько это вообще возможно, когда каждое возникшее даже в этом возвышении и усовершенствовании противоположение вновь совершенствуется, не есть нечто абсолютно необходимое. Религия есть вообще любое возвышение конечного до бесконечного как до положенной жизни; и оно необходимо, ибо конечное обусловлено бесконечным. Однако ступень противоположения и соединения, на которой останавливается определенная природа данного человеческого рода, случайна, если иметь в виду неопределенную природу. Наиболее полное совершенство доступно тем народам, чья жизнь в наименьшей степени разорвана и разъединена, т. е. народам счастливым; более несчастные народы не могут достигнуть этой ступени, но *должны* в своем разъединении заботиться о сохранении одного звена этого совершенства, независимости. Им не дозволено стремиться к потере ее, их наивысшей гордостью должно быть сохранение в неприкосновенности разъединения, сохранение одного (das Eine); с субъективной точки зрения это можно рассматривать как самостоятельность или с иной — как чуждый, отдаленный, недостижимый объект; обе эти точки зрения можно считать совместимыми, несмотря на то, что, чем сильнее разъединение, тем чище «я» и тем отдаленнее от человека объект, тем больше он уходит ввысь; чем больше и отъединеннее внутренняя глубина, тем больше и отъединеннее все внешнее, и если это последнее положено как самостоятельное, то человек должен казаться еще более угнетенным. Однако именно эта зависимость от непомерно большого объекта есть то, что сохраняется как отношение (Beziehung). Какую сторону охватывает сознание — слу-

чайность. Это может быть страх перед богом, бесконечно возвышающимся над небом всех небес, над всеми связями, всякой сопричастностью, парящим в своем неизмеримом могуществе над всей природой; может быть и полагание себя как чистого «я» над этой бренной плотью и над сияющими светилами, над тысячами тысяч небесных тел, над во столько же раз превышающими их по количеству новыми солнечными системами, сколько здесь вас, сияющие светила. Если разделение бесконечно, то не имеет значения, фиксируется ли субъективное или объективное; противоположение остается, абсолютно конечное противостоит абсолютно бесконечному. Вознесение конечной жизни к бесконечной жизни может быть лишь возвышением *над* конечной жизнью; бесконечное есть самое совершенное, поскольку оно противоположено тотальности, т. е. бесконечности конечного; не постольку, поскольку это противоположение было бы снято в прекрасном единении, а постольку, поскольку снято единение, и противоположение есть парение «я» *над* всей природой, или зависимость, вернее, соотнесенность с сущностью, возвышающейся над всей природой. Подобная религия может быть возвышенной и ужасной в своей возвышенности, но не человечески прекрасной; и тогда блаженство, в котором «я» противопоставляет себе все, топчет его, есть лишь явление времени и по существу подобно зависимости от абсолютно чуждой сущности, не способной стать человеком, или, если бы эта сущность стала человеком (следовательно, во времени), она и в этом соединении осталась бы абсолютно особенным, лишь абсолютно единым — самым достойным, благородным, если соединение со своим временем было неблагородным и низким.

14-е сентября 1800 г.